

Иероним Ясинский

Расплата

Иероним Иеронимович Ясинский

Расплата

«...Грохот мостовой оглушил Кривцову. Она была как в чадугу. По широким панелям сновали группы женщин и мужчин. Далёкие фасады многоэтажных домов расплывались в сумраке, багровый блеск на окнах потухал. Лазурь высокого небосвода меркла. Веяло сыростью.

Хозяйка меблированных комнат, куда попала Кривцова, с любопытством осмотрела новую жилищу и внимательным взглядом окинула её чемоданчик и саквояж с бронзовой отделкой.

Кривцовой было лет двадцать с небольшим. У неё были узкие плечи, худощавое лицо, с тёмными бровями и густыми ресницами, светло-золотистые волосы. Рост высокий, но сложение „воздушное“, заставляющее иногда принимать женщин за девочек, руки тонкие; и она держала локти близко к телу, слегка наклонив голову, что придавало ей беспомощный вид. Однако, говорила она энергично, тем тоном, каким приказывают, громко и ясно...»

Иероним Ясинский

Расплата

Грохот мостовой оглушил Кривцову. . . . Она была как в чадy. По широким панелям сновали группы женщин и мужчин. Далёкие фасады многоэтажных домов расплывались в сумраке, багровый блеск на окнах потухал. Лазурь высокого небосвода меркла. Веяло сыростью.

Хозяйка меблированных комнат, куда попала Кривцова, с любопытством осмотрела новую жилицу и внимательным взглядом окинула её чемоданчик и саквояж с бронзовой отделкой.

Кривцовой было лет двадцать с небольшим. У неё были узкие плечи, худощавое лицо, с тёмными бровями и густыми ресницами, светло-золотистые волосы. Рост высокий, но сложение «воздушное», заставляющее иногда принимать женщин за девочек, руки тонкие; и она держала локти близко к телу, слегка наклонив голову, что придавало ей беспомощный вид. Однако, говорила она энергично, тем тоном, каким приказывают, громко и ясно...

Хозяйка, учтиво спросила у Кривцовой до-

кумент. Та вынула его из саквояжа.

– Тепер ошен мноко строкости, – пояснила хозяйка с улыбкой.

– Мне всё равно...

– Ви нишево не будете сказать больше?

– Мне нужно узнать адрес вот этого господина...

Она вырвала из книжки листок и написала на нём: «Николай Петрович Ракович».

– Вот! Это к часу... Завтра...

– Ошен карашо, мадам... Адъё, мадам!

Кривцова заперлась на замок, положила под подушку саквояж, туго набитый сериями и сторублёвыми бумажками, и новенький револьвер, и заснула глубоким сном...

Во сне грохот мостовой казался ей громыханием поезда.

II

Над кроватью, на стене, высокой и пустынной, играл бледный луч солнца, отражённый от противоположного дома.

Кривцова, проснувшись, не сейчас могла дать себе отчёт, где она. Она с недоумением смотрела на стену. Пёстрые грёзы как вспугнутая стая птиц мчались перед нею, быстро

исчезая в блеске дня. Милое лицо её подруги, Вареньки Софронович, только что сидевшей с нею в пансионском дортуаре, где ряды кроватей тонули в мутной волне предутреннего света, и где кто-то бредил, меж тем как деревья точно призраки уныло глядели со двора, мгновенно растаяло как клочок тумана. Кривцова провела рукой по глазам, со страхом повернула голову. Огромное окно сияло ярко. Тогда мысль, что она в Петербурге, вдруг мелькнула в её сознании.

Она стала одеваться.

Был полдень.

III

А Ракович – тот самый, адрес которого хотела знать Кривцова, – нетерпеливо ходил, в это время, по своему кабинету. Он был один в квартире. Домашние его жили на даче. Он приехал в город, чтоб быть с докладом у начальника.

Кабинет имел вид скорее будуара, чем комнаты делового человека. Белые шторы, собранные в пышные складки, кокетливо выглядывали из-под зелёных подзоров. Письменный стол был заставлен множеством

больших и маленьких фотографий, в бронзовых и бархатных рамках. В ореховом шкафу пылилась груда французских романов. Ковёр пестрел в большом трюмо. Картины изображали красавиц: у одной тело чересчур розовое, а у другой чересчур жёлтое. Стоял запах туалетной воды и пудры.

Сам Ракович тоже не походил на делового человека: изящный вицмундир, безукоризненное бельё, перчатки, лицо совсем мальчишеское. Чёрные волосы на голове были густые и вились. Бледные щёки, красные губы, белая шея, большие глаза, сиявшие и беспокойно загоравшиеся от непрерывного наплыва каких-то мыслей, которые, впрочем, так же скоро проходили, как и появлялись, нос, слегка вздёрнутый и чувственный, рост выше среднего, длинная талия, узкие плечи, узкие руки, – такова была наружность Раковича.

IV

Однажды он неожиданно исчез из N-ска, своего родного города. Там он служил секретарём мирового съезда, но служил спустя рукава. Преимущественно же занимался тем, что рисовал на всех карикатуры и писал сти-

хи. Поэтическая репутация и миловидность сделали его любимцем прекрасного пола. За ним ухаживали. Он был франт и первый начинал носить модные костюмы. Ходил и в вишнёвом жакете, и в зеленоватом, и в синем, и, наконец, в клетчатом. Одно время у него были брюки чуть не телесного цвета. На углах его воротничков иногда появлялись собачьи, совиные и лошадиные головы. Галстуков у него имелось бесконечное множество и тоже самых невозможных цветов. Тем не менее, на нём всё хорошо сидело, к нему всё шло. Вообще, за что бы он ни взялся, чтобы ни стал делать – всё ему удавалось. Он шутя прочитывал серьёзные книги, – занятие, на которое в провинции смотрят с тоскливою почтительностью – и потом рассказывал их содержание в лёгкой форме. Конечно, много тут врал, но мало этим стеснялся, и его все слушали. Выучивал также целые поэмы и прекрасно декламировал. Кроме того, танцевал с неумимостью прапорщика. Играл, и пел, и был душою любительских спектаклей. Одним словом, это был такой милый и блестящий провинциальный сердцеед, с кото-

рым конкуренция едва ли была возможна, и избежать чарующей власти которого для какой-нибудь захоластной барышни было одинаково трудно. Хотя он слыл честным человеком и никогда сознательно не сделал бы такого шага, который внёс бы в жизнь женщины позор и страдание, однако, к несчастью, предусмотрительность не была одной из его многочисленных добродетелей. С другой стороны, поклонение, которым его окружали, отравило его, и он стал лелеять мысль, что он высшее существо, артистическая натура, для которой правила обычной морали необязательны. Пошли любовные приключения. Был какой-то странный год. Все точно с ума сошли. Личность Раковича с каждым днём приобретала всё больший и больший интерес. Праздная жизнь разжигала любопытство. Дамы подобно мотылькам стремились на огонь. Ракович окончательно уверовал в свою неотразимость и считал победы дюжинами...

В это время он сошёлся с Кривцовой.

V

Ей тогда шёл восемнадцатый год.

Она только что вышла из пансиона и жила

у старика-дяди. О несметных богатствах этого дяди ходили разные фантастические слухи, но можно с достоверностью сказать лишь, что он был скуп. Ракович нанял у него дом, и таким образом началось знакомство молодых людей. Никто не верил, что Катя Кривцова – взрослая девушка... Иллюзия поддерживалась ещё тем, что дядя заставлял её донашивать пансионские короткие платья. Провинциальная сплетня не заметила её, и целый год длился её роман с хорошеньким квартирантом. Катя была уверена, что Ракович женится на ней. Он готов был жениться, но у него имелась своя теория. Он знал, что приятная острота любви исчезает, раз влюблённые становятся мужем и женою. «Жить, чтобы наслаждаться! – шептал он Кате ночью в беседке, глядя на звёзды и сдвинув шляпу на затылок. – Наслаждаться – это мой девиз, Катя». Конечно, можно вести суровый образ жизни и работать для будущего счастья человечества, но это удел героев, а он – не герой. Ракович в этом отношении походил на множество заурядных людей, которыми богаты переходные эпохи. Грядущие судьбы человечества он

представлял себе в необыкновенно туманном виде, хоть любил распространяться о них. Главное, его занимало, что семейство рухнет. Катя Кривцова, слушая Раковича, увлекалась «смелым полётом» его фантазии, горячностью его «убеждений», «грандиозностью» набрасываемых им перспектив. Она целовала у него руки, и если бы этот юноша потребовал от неё какой-нибудь мучительной жертвы – всё сделала бы для него. Но мало-помалу на дне её души стало шевелиться сомнение. Оно росло незаметно и, наконец, выросло. Период, когда хочется жертвовать собою любимому человеку, проходил. Начинался период, когда, в свою очередь, ждут каких-нибудь жертв. Катя заговорила о венце настойчивее. Ракович стал избегать встреч с нею, давал неопределённые обещания, когда она добивалась свидания с ним, и что-то скрывал от неё.

VI

Стояла осень, когда Ракович вдруг уехал из Н-ска. С ним уехала подруга Кати, Варенька Софронович, дочь одного важного барина, отставного генерала. Сплетня мгновенно вышла из берегов и разлилась по всему городу.

Все кричали о безнравственности Раковича. В одной петербургской газете появилась о нём корреспонденция. Это подлило масла в огонь. Заскрипели перья и полетели в гостеприимную редакцию пояснительные и разъяснительные заметки. Улыбка странного торжества долго не сходила с лиц расходившихся провинциалов. Но едва только лица эти приняли обычное скучающее выражение, как их снова заставила растянуться в горизонтальном направлении весть о том, что старик Софронович настиг беглецов в Петербурге, где они чуть не умирали с голоду, дал за дочь приданое и выхлопотал зятю место. Финалом же всей этой кутерьмы было рождение у Кати ребёнка. Снова загоготало и заревело провинциальное болото, и даже те дамы, которые чувствовали ещё на щеках зной поцелуев Раковича, принялись швырять грязью в девушку...

С тех пор прошло два года.

VII

...«А не удрать ли? – задавал себе вопрос Ракович, с тоскою перелистывая в приёмной начальника дело, известное между его сослу-

живцами под именем „дела о выеденном яйце“. – Ишь какое оно! Тут сам чёрт ногу сломает. Удери, удери! Ведь это рабство, каторга! Часа свободного нет! Торчи как болван! И чего, спрашивается! Со службы не прогонят... Естественная причина... Например, мог заболеть... внезапно... Право... Право, какие тут занятия – летом... Скука... Провалились они! Эх, была не была!»

– Послушайте, Дорофей Львович, – обратился он к дежурному чиновнику, – объясните его превосходительству, что я тово... затрудняюсь явиться к нему... Скажите, что я...

Дежурный чиновник, гигант, с широкой физиономией и подобострастными манерами, встал и с участливым испугом смотрел на Раковича, по-видимому несомненно страдавшего.

– Что с вами, Николай Петрович? – тихо спросил он.

Подбородок Раковича отвис, на лбу собрались морщины.

– Болен, чёрт меня побери!

Он взял цилиндр и сунул бумаги в портфель.

– Ох!.. Скажите его превосходительству, что я душевно желал выяснить пред ним «вопрос о выеденном яйце»... Но не в состоянии, – заключил Ракович, окончательно изнемогая и пропадая в передней.

Пообедав у «татар» и вернувшись к себе, чтоб переодеться, он неожиданно застал там Кривцову.

VIII

Он вскрикнул, поднял брови, раскрыл рот и застыл на секунду в неловкой позе, с расставленными руками. Оправившись, он засуетился и подвинул ей кресло.

– Садитесь! Катя! Боже мой!

– Благодарю вас, – отвечала Кривцова и посмотрела на него.

– Да, да... Понимаю!.. – сказал он. – Конечно, я виноват!.. Конечно!.. Что ж, казните меня?!. Не только виноват... Даже более: преступен... – произнёс он убеждённым тоном.

Кривцова молчала.

– Ах!.. Жаль, Вареньки нет... Вам сказали, что она на даче? – спросил он.

– Да...

– Ужасно жаль, что её нет... А у вас в суц-

ности какая цель? Вы для чего приехали?

– После узнаете...

– Как после?.. Почему же после?.. Ну, впрочем, всё равно... Однако же?..

Он улыбался, не зная что сказать ещё.

Девушка потупилась.

– Мне хотелось бы знать... Не солгите только!..

– Честное слово!..

– Варенька знала о вашей... любви?

Ракович утвердительно кивнул головою:

– Да... Я от неё ничего не скрывал. Она меня простила...

Кривцова захохотала. Ракович с испугом взглянул на гостью. Но она быстро успокоилась. Её глаза были по-прежнему темны, влажны, и только нижняя губа трепетала.

– Она добрая! – прошептала она.

– Она, действительно, добрая! – серьёзно сказал Ракович.

– Она тебя любит?..

– Очень...

– И вы ей отвечаете тем же?

– Да...

– У вас есть дети?

– Сын...

– Ты его тоже любишь?

– Тоже.

– Так Варенька на даче?.. Мне надо пови-
дать Вареньку! – произнесла Кривцова, хму-
рясь.

– А что, вы думаете – она вам будет ужасно
рада! – с внезапным увлечением сказал Рако-
вич. – Хотите, поедem сейчас! Право, это будет
такой сюрприз... такой сюрприз...

IX

Невский шумел. Свет падал с раскалённого
неба и слепил глаза. Странное волнение охва-
тило Кривцову. Ей казалось, что она одна сре-
ди этого огромного города, и что на всём ле-
жит печать чего-то враждебного и чуждого
ей. Газетчик выкрикивал «резолюцию воен-
ного суда» по какому-то политическому делу.
Мужские и дамские костюмы в магазинах
мод казались обезглавленными франтами и
франтихами. До ушей долетал, прорезываясь
сквозь гул уличной сутолоки, протяжный
лязг колёс конножелезки. Несмотря на то, что
погода была довольно тёплая, дворники стоя-
ли у ворот домов в нагольных шубах. Можно

было подумать, что какие-то северные варвары наводнили город...

Х

Молодые люди взяли ялик на пристани у Дворцового моста и сели рядом, так что чувствовали близость друг друга. Яличник, в красной фуфайке, мерно раскачивался, махая вёслами, с которых летели брызги. Его бронзовое лицо было бесстрастно, и серые глаза пристально смотрели вдаль из-под блинообразного картуза. В широкой реке отражалось красивое пёстрое небо.

– Здесь глубоко? – спросила Кривцова.

– Очень, – отвечал Ракович.

Упругая гладь воды колыхалась. Слева, казалось, бежали оранжевые здания Васильевского острова, маяки, чёрные корпуса судов. Плашкоуты остались позади. Зимний дворец темнел направо.

– Всё это можно отлично устроить! – вдруг начал вполголоса Ракович. – Я об этом думал, когда мы шли по Невскому... Нужно, чтоб, по возможности, все были счастливы... Я не виноват, что так вышло. Я ей говорил... Но... одним словом... Это хорошо, что ты едешь к

ней!.. Вы подружки, вам ближе всё это, все эти разные там темы... Самому мне с ней теперь неловко... Видишь ли, у неё своя теория... несколько своеобразная, конечно... И притом у неё характер... Правда, она чрезвычайно добрая женщина, но о некоторых вещах я с ней не говорю совсем... Однако, ей нужно поставить на вид, что на твоей стороне право, и что, и с её точки зрения, узурпатор она, а не ты... Понимаешь? Так что уступки необходимы... И мне кажется, что ты могла бы жить с нами...

Кривцова, сконфуженная и негодующая, стала глядеть в сторону.

В розовой дали исчезали бесчисленные мачты точно сосновый лес без ветвей, и корабельные снасти казались паутинками.

– Что ты, Катя, скажешь на это? – спросил Ракович.

– Мне трудно что-нибудь сказать, – отвечала Кривцова, не поворачивая головы, – или, может быть, совестно... об этом я не думала... Впрочем, тут не над чем задумываться!.. – прибавила она и брезгливо махнула рукой.

Он стал спорить, говорил, что «тут ничего

нет такого». Она молчала.

XI

Между тем ялик бил по воде узкими вёслами. Вдруг он сделал поворот. В зареве заката чернели далёкие громады Адмиралтейства и Исакия, на золотом куполе которого разбрызганным пятном горело солнце. Река струилась серебром. Высоко в небе белели лёгкие облачка, а ниже плыли как клубы пара розоватые тучи, и их пронизывали потоки огня.

– А что, если б тебе пришлось бросить Вареньку? – сказала Кривцова.

Он с испугом заглянул ей в глаза.

– Навсегда?

– Да.

Он засмеялся, схватил её руку и поцеловал.

– Ах, Катя!

– Ну?

– Видишь ли, Катя... В такой форме едва ли это... Вот в другой... Ну, на время, что ли... Катя, я материально связан с нею...

– А!

– Да, Катя...

Холодная тень окутала их. Ялик юркнул под мост. Глухо плескалась вода. Фигура

яличника, поднявшего вёсла, застыла в раме пролёта. Но узкое пространство быстро раздвинулось, и небо опять засияло кругом.

– Вы знаете, – проговорил Ракович, сконфуженно улыбаясь, – право, я тебя больше люблю... Но я буду скучать, если брошу её... И притом всё это как-то вдруг... Вдруг я не могу... Лучше вот что...

– У тебя всё вдруг... – прервала Кривцова презрительно. – Вы и её можете вдруг бросить... Да прими к сведению, – прибавила она, – теперь я богачка...

– Мне писали... Дядя скапутился... Знаю...

– Так вот вопрос о материальной стороне...

– Упрощается! – подхватил он. – Конечно.

Но...

Ялик поворотил снова. Теперь они были в Большой Невке. По обеим сторонам тянулись здания с высокими трубами, золотившимися в косых лучах солнца, щетинились мачты. Навстречу плыли другие ялики, откуда нёсся весёлый смех. Зелень становилась гуще. В воде рожи опрокидывались сплошными полосами, вместе с белыми колоннами барских дач. Вправо, ресторан возвышался на холми-

стом выступе как карточный замок. Там гремела музыка, и на его террасах сновали лакеи в чёрных фраках. Потом показались ряды маленьких дач. Стёкла их окон блестели на солнце. Зубцы поднятых маркиз и палаток на крошечных балконах, выглядывавших из-за деревьев, придавали дачам нарядный вид бонбоньерок. Становилось холодно. Влажные тени ложились у берегов.

– Мы скоро?.. – спросила Кривцова у Раковича.

– Вот, вот сейчас... – отвечал он, встрепетувшись, – за этим заливом пристань...

XII

Жена Раковича, уложивши ребёнка спать, сидела на балкончике своей дачи и, кутаясь в тёплый платок, смотрела на дорогу, по которой должен был придти с пристани муж. Она была чрезвычайно взволнована, и ей уже начинало казаться, что с Николой произошло что-нибудь ужасное. Он мог попасть под вагон конножелезки, упасть в Неву (случается, что ялики опрокидываются), на него мог наехать извозчик и растоптать его. Кроме того, он мог внезапно заболеть и теперь, пожалуй,

лежит без всякого ухода в пустой квартире. (Интересно знать, догадается ли послать за доктором?) Наконец, и это всего хуже, он мог отправиться (не предупредивши её) к какому-нибудь знакомым, преимущественно к тем, где есть молодые и хорошенькие женщины, и, в чад весёлых разговоров, совершенно забыть её, несмотря на то, что она любит его больше всех людей на свете и сегодня даже совсем не обедала, потому что не может одна обедать. Он, однако, может и, по всей вероятности, уже пообедал. Но где? В ресторане, где встретился с какой-нибудь подозрительной и бойкой девицей (между ними есть замечательно красивые), или не заехал ли в Новую Деревню, к Галкиным, у которых чуть ли не двенадцать дочерей (воспитанных, к сожалению, самым легкомысленным образом)? Во всяком случае, надо будет, когда он заснёт, обыскать его карманы. Не мешает также тщательно перелистать это «дело о выеденном яйце», которое он целое лето возит с собою. Николя – она отлично его изучила – откровенен и честен только там, где честность и откровенность могут сослужить ему полезную

службу, вообще же скрытен и эгоистичен. Личное наслаждение (хотя она не понимает, какое наслаждение целоваться со всяким встречным смазливеньким личиком) он ставит выше её спокойствия и в жертву минутной прихоти не задумается принести её счастье. С ним надо держать ухо остро и не делать ему ни малейшей поправки – иначе он ускользнёт как угорь...

XIII

Обуреваемая всеми этими мыслями, молодая женщина и не заметила, как её муж и Кривцова вошли в дачный садик, где, в центре единственной куртины, с поблёклыми цветами, возвышался столб с зеркальным шаром, и затем, пройдя темноватую залу нижнего этажа, уставленную соломенными стульями, поднялись по узенькой лестнице до балкона.

– Варенька! – крикнул Ракович.

Она вздрогнула и, встав, повернула голову к нему.

При виде Кривцовой маленький лоб её, выпуклый и испорченный оспой, вдруг побелел. Она стояла спиной к солнцу, во весь

рост, стройная и почти массивная. На нижней части её круглого лица блуждала бледная улыбка, губы трепетали. Казалось, она употребляет огромные усилия воли, чтоб подавить своё гневное смущение.

Кривцова смотрела зло, и её улыбка была также некрасива. Но бледность была незаметна, благодаря розовому свету заката, прямо падавшему на неё. Руки были опущены, локти прижимались к телу, она дрожала.

Так прошло несколько мучительных секунд.

Ракович первый нарушил молчание, нежно толкнув Кривцову к жене и произнеся развязно:

– «Ах, подруженьки, как скучно»!.. Что ж вы... точно недовольны встречей... Ну, мало ли там что!.. Стоит ли! Будьте по-прежнему друзьями... Ну, мир, пожалуйста, мир!..

Его жена сделала шаг вперёд и медленно протянула подруге мягкую руку, с тонкими пальцами.

– Здравствуй, Катя! – сказала она.

– Здравствуй! – отвечала Кривцова, чуть прикасаясь к её руке. – Извини, что так

неожиданно и, может быть, не вовремя... Но мне нужно... и я нарушу твоё мирное житьё небольшим разговором... Ведь, я для этого нарочно в Петербург приехала... Надеюсь, извинишь?

Та с некрасивой улыбкою, которою умеют оскорблять женщины, сказала:

– Вероятно, что-нибудь очень важное?... Что ж делать... Поговорим... если недолго...

– Да... Очень недолго, – отвечала Кривцова. – Николай Петрович! Уйдите, пожалуйста... ста...

Ракович пристально взглянул на неё, потом на жену. Глаза его засмеялись. Не сомневаясь, что ему удастся, во всяком случае, примирить подруг, он вышел.

Кривцова захлопнула за ним стеклянную дверь. Гвоздь, державший драпировку, выскок, и парусина мягко опустилась до пола.

XIV

– Говори, Катя, – произнесла молодая женщина.

Кривцова, руки которой нервно шевелились под тальмой, с трудом отвела глаза от её гладкого золотого кольца, взяла стул и села

спиной к выходу.

– В сущности, – начала она, – я хотела сказать тебе всего несколько слов... Но сейчас раздумала... Нужно, чтоб всё было по справедливости... И потому речь моя теперь будет длиннее... Ты должна будешь её выслушать, ты у меня в долгу...

– В долгу?

– Конечно. Если б было иначе, мы не встретились бы так... – она неловко засмеялась, подыскивая выражение, – так сухо!.. Ведь мы были как сёстры... А теперь, Варенька, мы враги. Что поссорило нас? Коля. Ты отняла его у меня – и я тебя возненавидела. Зато и ты стала ненавидеть меня, потому что, разбивши мою жизнь, сделалась моим неоплатным должником... Ты каждую минуту должна ожидать, что я потребую от тебя отчёта и стану твоим судьёю... и что могу осудить тебя и покарать – с неумолимостью палача. Твоя ненависть, Варенька, ниже сортом, но она служит доказательством, что я говорю правду.

– Что же тебе нужно, Катя? – вскричала Варенька, пожимая плечами и делая рукой жест

недоумения. – Положим, мы уж не друзья; это естественно в подобных случаях... Мы враги, потому что предмет нашей вражды – живой человек, которого нельзя же поделить, чтоб не было обидно ни тебе, ни мне... Но я совсем неповинна в твоём несчастье... Я полюбила Николаю – и только...

– Я ещё не начинала говорить, Варенька, – с дрожью в голосе отвечала Кривцова, – и о том, что мне нужно, скажу после. Это было только предисловие – разъяснение на твой вопрос.

Она опять пошевелила руками под тальмой, причём послышался какой-то металлический стук, и, сделав над собой усилие, начала:

– Ещё бы! Никому не воспрещается любить!.. Это свободное чувство... Но ведь и убивать никому не запрещается... до поры, до времени...

– Ну, это разница! – живо заметила Ракович.

– Да, разница – вообще... – отвечала Кривцова, – но не в моём случае. Ты это сейчас увидишь, если не видеда... Слушай... Мне

нечего распространяться о том, как я его любила... Он тебе сам всё рассказал, потому что от тебя у него не было тайн... Я это знаю теперь... Я была его женой, и нам нужно было повенчаться... Он часто обещал мне это... Правда, при этом он развивал свою теорию личного наслаждения, которая исключала возможность брака... Но он развивал её, может быть, с целью заблаговременно приучить меня к своим будущим изменам... Может быть, он рассчитывал, что из меня выйдет ширма... Ужас положения так был велик, что я решилась бы выйти за него и на этом условии и пожертвовать любовью... А он между тем всё медлил и скрывал причину... Ты видела моего дядю?.. Это был дикарь в самом грубом смысле... Заметив, что я беременна, он прежде всего отколотил меня... и потом ежедневно пилил меня и попрекал... В нашей дикой, мелко чиновной, мещанской среде свободная любовь – преступление. Тут нельзя отрицать брака... Тут заплюют и сживут... Во мнении дяди я была последняя дрянь, которую можно было бить пинками... и говорить ей такие вещи, которых никогда не слышали

твои дворянские уши, Варенька... Бежать было некуда! Всюду осмеяли бы, всюду оскорбили бы!.. И ведь он всё это знал. Знала и ты. Если ты честная, то не станешь от этого отказываться... Да, ты знала, Варенька, и даже простила ему... за меня!.. Ты не ответила на моё письмо... Я умоляла тебя приехать ко мне... повидаться... Самой отправиться к тебе мне было нельзя... Дядя отобрал от меня единственное приличное платье... А у меня, от моей тогдашней полноты, был такой смешной, позорный вид... О, я понимаю, почему ты не приехала и оставила письмо без ответа... В это время вы оба были в самом разгаре вашего воркования... Подожди, не перебивай, ты после скажешь, если это понадобится... До последнего дня я надеялась... и сносила мерзости дяди... Вдруг – вы исчезли... и бросили меня... Я осталась одна, оскорблённая, обманутая, без веры, без луча света...

Она остановилась и завистливым взглядом окинула Вареньку.

– Ты теперь *belle femme* [*прекрасная женщина – фр.*], Варенька, полная и красивая... Конечно, ты счастливо провела эти два года...

Тебе, может быть, непонятно то, о чём говорю. На твои плечи не опускался ни чей кулак, никто не бил тебя по лицу... У тебя всегда была и лучезарная действительность, и лучезарные надежды...

Нахмурившись, она продолжала:

– Родился ребёнок... здоровый и сильный, с громким криком... Вот тут опять явилось что-то, что привязало меня к жизни, как она ни была мерзка... Однако, дядя продолжал своё... По городу распространились самые гнусные басни... Какая-то добрая душа, защищая Колю, предположила, что ребёнок у меня мог быть... мало ли от кого! К этому прибавили кое-что... И таким образом сочувствие, какое могло выпасть на мою долю, было убито... Ко мне стала шляться жидовка, Любка... Я скоро поняла, какая у неё профессия. А когда, в слезах и горе, я рассказала дяде о своей безвыходности... и унизилась до того, что валялась у него в ногах... унизилась для ребёнка! – прося пощадить меня и не обращаться как с собакой... он остервенился, с какой-то странной свирепостью, и опять избил меня... Тут у меня испортилась грудь... Я стала кормить ребёнка ко-

зьим молоком, которого он не переваривал. Мало-помалу, он так высох, что когда я купала его, ручки его казались ниточками... Варенька, он умер!

Она замолчала. Её глаза наполнились слезами, блеснувшими на солнце.

XV

– Ты кончила? – спросила Ракович растроганным голосом.

– Нет, – отвечала Кривцова, – не кончила...

Она вынула платок и отёрла слёзы.

– Ещё не всё. Пожалуйста, не жалея меня!.. Это глупо... И странно... К тебе это не идёт... Да я и не затем это говорю... Лучше слушай! Заболел дядя... Он заболел параличом и неподвижно лежал на кровати целые недели и месяцы... Половина тела у него была холодная как у лягушки... он перестал говорить и объяснялся только глазами, которые странно блестели на мёртвом лице... Всё время я должна была ухаживать за ним... А за ним было трудно и противно ухаживать! Тут-то я обдумывала самые сложные планы мести... Конечно, месть назначалась не для дяди... Унизительно было бы мстить ему. Я хотела мстить Коле

и тебе... Я знала, что у дяди есть двадцать тысяч... Они лежали в кожаных мешочках и газетных пакетах на дне большого комода... Я часто мечтала, что с этими деньгами я могла бы поехать хоть на край света и всюду отыскать вас и расквитаться с вами... Я ждала только смерти дяди, потому что не хотела быть воровкой, хоть и могла бы безнаказанно взять эти двадцать тысяч, а умирающего отправить в больницу... Но прежде чем мстить, надо было взвесить, насколько вы оба были виноваты... Кто больше и кто меньше... Когда дядя умер, этот вопрос с мучительной назойливостью стал преследовать меня... и однажды я пришла к заключению, что Коля совсем не виноват. Да, Варенька, он совсем не виноват! Это странный, милый человек, который может сделать подлость бессознательно, и на которого, строго говоря, нельзя сердиться... Я понимаю, почему его могут любить все... Коля может быть орудием в чьих угодно руках, и его можно легко подвинуть и на геройский подвиг, и на преступление... Нож, которым убивают, не виноват... Виноват человек... вот почему, Варенька, ты стала предме-

том моей особенной ненависти!.. Ты вдохновила Колю на подлое дело... Надеюсь, ты не станешь этого оспаривать... Ты заставила его бросить меня и, ценою моего горя и ценою жизни моего ребёнка, устроила себе счастли- вую обстановку... Варенька, неужели ты никогда в эти два года не чувствовала угрызе- ний? Отвечай, Варенька!

XVI

Варенька посмотрела на неё испуганными глазами.

– Ты его до сих пор любишь?

– Если б я его никогда не любила!! – с тос- кой вскричала Кривцова.

– Да, было б лучше... – заметила молодая женщина. – Но конечно, это твоё право... Но дай же и мне сказать несколько слов, прежде чем отвечать на твой странный вопрос...

– Говори.

– Ты слишком превозносишь Николю, – на- чала Варенька. – По-твоему, Николая – ка- кой-то агнец невинный. Ты ослеплена им и ничего не видишь в нём, кроме миловидно- сти. Но он человек и довольно реальный. Ко- нечно, его надо раскусить... Я ведь вот тоже

думала о нём, как о чём-то прекрасном и детски-незлобивом... Но теперь не думаю... И может быть только реальному отношению к нему я обязана тем, что он меня не бросил и не бросит... Николая – человек, который любит себя и больше никого... У него счастливая наружность... Это подкупает; но это не обеспечивает... Тебе нужны факты? Изволь. Я никому никогда не сказала бы... Но тебе надо сказать. Моя жизнь едва ли может быть названа счастливою. В прошлом году он два раза откровенно обманул меня. В Петербурге так легко прятать концы! Можешь себе представить, ко мне ходила брать уроки одна девочка... Тут есть бедная чиновная семья, и я сама предложила заниматься, чтоб как-нибудь помочь ей... Девочке было не более пятнадцати лет... хромоногая дурнушка... И вот Николай соблазнился на неё и увлёк дуру... Что всего возмутительнее, так это то, что с него как с гуся вода! Сейчас наивность и откровенность – признался во всём... В другой раз он затеял большую игру... Писал стихи и взбивал волосы как подобает поэту... Меня это встревожило, и я невольно стала следить... Действитель-

но, оказалось, что он завёл связь с одной барышней – я в папироске нашла записку... Опять как с гуся вода. Барышню стал бранить и быстро забыл... Молодых горничных я не держу. Но можно сказать, что я смотрю на добродетельность мужчины со слишком бабьей точки зрения... Хорошо. Вот другие факты. Ты говоришь, он способен на героические дела, Небольшого героизма от него требовали – дать приют одному человеку на два дня. Отказал наотрез... И притом сухо, с какой-то старческой трусливостью. Затем...

– Довольно, Варенька! – сказала Кривцова. – Ты его не любишь...

– С чего ты это взяла? – сердито спросила Варенька. – Нет, я его люблю. Но люблю таким, каков он на самом деле... Я его не наряжаю в идеальные костюмы и требую от него немногого... Я хочу, чтобы он был мой – и только... На него я постоянно смотрю сверху вниз и не даю ему забываться... Положительной подлости он не сделает, и с ним можно спокойно прожить век, если держать его в руках...

– Но ты его совсем не уважаешь!..

– Уважать Николю! Если б я стала уважать его, он на другой день бросил бы меня... Хха! Ну, а ты его уважаешь?.. Ты знаешь, я с ним даже никогда не ссорюсь, хотя у него бешеный характер, и он может злиться как обезьяна... Если бы я стала ссориться или показала бы вид, что меня волнует его гнев, я утратила бы над ним власть... Потом... Я слежу за каждым его шагом и так изучила его лицо и глаза, что могу угадывать все его мысли... Когда он замышляет что-нибудь некрасивое, я уже знаю и принимаю свои меры... Вот таким путём поддерживаю я кое-как наше равновесие... Но это очень трудно.

– Однако, Варенька, – сказала Кривцова с насмешливой улыбкой, – ведь это всё доказывает только, что Коля послушное орудие в твоих руках... что также легко ты могла удержать его тогда от подлого дела... внушить ему...

– Что внушить? – перебила её Варенька с загоревшимися глазами. – Нечего было внушать! Ты идеалистка, не знаешь жизни! Ты думаешь, так вот он, «этот странный, милый человек», и бухнул мне, при первом же зна-

комстве, что он соблазнил тебя... Нет, он это тогда скрыл. А уже потом рассказал, когда наш узел был завязан, и когда приходилось выбирать, кому из нас гибнуть – тебе или мне... Послушное орудие!.. Да если на то пошло, так я тебе скажу, что пожертвуй я тогда собою, ты бы всё-таки не удержала его... Ты на нею молишься, а на него молиться нельзя... Только я одна могла любить его и могу любить и буду любить... У меня такая натура... Мужская, что ли... Человека с твёрдой волей, который был бы выше меня, я не потерплю возле себя... Вот почему я никому не отдам моего Николю.

XVII

Кривцова была смущена. Чувствовалась доля правды в словах Вареньки, как ей казалось. Но... неужели можно любить, презирая? Неужели Ракович – такое бездушное существо? Неужели эти прекрасные глаза и сегодня опять лгали как всегда? Она молчала и терзалась. На её лице неровными пятнами выступил румянец. Кому же мстить и как мстить? И имеет ли мщение смысл? Былое ушло куда-то назад, в мрак забвения. Там тол-

пились бледные призраки, облики пережитых страданий, неясные, расплывающиеся, готовые исчезнуть в робком сиянии какого-то нового тёплого чувства. Был момент, когда ей хотелось преклониться перед совершившимся, – перед этим зданием, воздвигнутым на развалинах её лучших надежд. Ей хотелось протянуть руку Вареньке и сказать с горячим увлечением, что она её прощает. Но вдруг где-то, в тайнике её взволнованной души, блеснул луч другого света. Он никогда не погасал, хотя часто ненависть и горе заслоняли его подобно теням. И вот теперь он ярко отразился в её глазах. Вся её фигура преобразилась, она встала и, глядя на Вареньку, с выражением странной величавости и презрения, громко сказала:

– Я люблю его... Несмотря на всё, люблю!.. И хочу убедиться, так ли он безнадежно мерзок, как ты говоришь... Я отниму у тебя Колю. Потому что он не твой, а мой... Прощай!

Она отбросила драпировку и хотела уйти. Но Варенька, вся трепеща, быстро поднялась с места и, с силой схватив её за руку, сказала умоляющим шёпотом:

– Ты этого не сделаешь, Катя!.. Милая, добрая Катя, ты этого не сделаешь!..

Послышались шаги Раковича, и он появился в дверях. Он видел, как обе женщины смотрели друг дружке в лицо, и ему показалось, что они хотят целоваться. Он громко крикнул: «Браво, браво!», и этим возгласом, смутившим Вареньку, помог Кривцовой высвободить руку и оставить балкон. Она быстро подошла к молодому человеку и прошептала:

– Приезжай ко мне сегодня... Мой адрес...

– Не слушай её, Николая! – крикнула Варенька, в свою очередь подбегая к нему, в страшном испуге, с перекосившимся лицом, со сверкающими глазами.

– Мой адрес, – громко сказала Кривцова, стараясь перекрычать Вареньку, – Невский проспект...

– Не слушай её, не слушай!

Но Кривцова досказала свой адрес, уклонилась от Вареньки, которая замахнулась на неё, чтобы ударить, быстро спустилась с лестницы и сразу нашла дорогу к пристани. Там она взяла билет и села на пароход. Всё это она проделала машинально. Её сердце страшно

билось. Она не видела, что делается вокруг неё. Взгляд её был неподвижен и тупо устремлён туда, где, за чёрными стволами деревьев, среди золотистых облаков, догорало солнце, красное как рубин.

XVIII

Пароход зашипел и, шумно вспенив воду, стал отчаливать с мерным клохтаньем. Кто-то играл на гармонике. Слышались французские, немецкие и русские фразы. На медных частях машины потухал солнечный свет. Вдали, в мягком сумраке, на террасах летних ресторанов, уже ярко сияли молочные шары электрических свечек. Берег находился на расстоянии, по крайней мере, аршина, как вдруг какая-то фигура появилась на платформе пристани, с разбега, не долго думая, прыгнула на лесенку парохода, покачнулась, но удержалась в равновесии, сделав движение руками, и распустила при этом наподобие крыла серый плед.

Это был Ракович.

Кривцова, как только он подошёл к ней и, красный и улыбающийся, сел рядом, почувствовала такой прилив радости, что чуть не

расплакалась. Эта радость была внезапна. Кривцова смеялась, и жала ему руку, и укоряла его за смелый прыжок, а в то же время ей было приятно, что он рисковал из-за неё, если не жизнью, то во всяком случае здоровьем. Он, значит, милый человек, и всё дурное, сделанное им – прямой результат посторонних влияний. Укрепившись вдруг в этом мнении, более чем когда-нибудь, Кривцова не отрывала глаз от разгоревшегося лица Раковича, и его шёпот и звуки его голоса сладостно волновали её. Она кивала головой в ответ на его фразы, краснела, и отшучивалась, и говорила ему: «Мой! Мой!» с тем доверчивым увлечением, с каким произносила это слово три года назад, когда впервые охватил её страстный порыв. Они беспечно болтали, точно они были любовники, которые всё ещё были счастливы, всё ещё жадно пили из чаши, не отравленной ни единой каплей горечи, и будущее которых было ясно и бросало им навстречу душистые венки и букеты. Никто из них не упоминал о Вареньке. Эта женщина, по-видимому, не существовала. О ней забыли. Сцена, только что разыгравшаяся между обеими по-

друзьями, мгновенно потускнела, а значение её умалилось до смешного. Прошедшее было вычеркнуто из жизни. Настоящее как могучая волна подхватило их и несло в какую-то фантастическую страну, населённую милыми и грациозными видениями, которые издали шаловливо улыбались им как старым знакомым и манили их к себе, кидая на них влажные взгляды. Ракович окутал её пледом, который он нарочно для неё захватил. Она согрелась и бодро сидела на своём месте. Иногда она смотрела по сторонам, с ласковою снисходительностью. Теперь уже не было злых и чужих. Все были хорошие и добрые. Но лучше и добрее всех был Коля.

Между тем темнело. Лазурь неба отливала серым перламутром, на всё бросавшим тусклый отсвет. Солнце совсем зашло. По холодной глади реки стлалась беловатая дымка. Зажигались огни, выстраиваясь длинными рядами, опрокидываясь и дрожа в воде. Пароход пыхтел и начинал описывать полукруг. Прямо чернела масса Летнего сада. Там играла музыка, и её умирающие звуки поднимали в душе Кривцовой целой рой нарядных грёз.

Пленительные, они влекли её в свой странный мир, и, точно стоя на краю бездны, на дне которой расцветали цветы с одуряющим ароматом, она чувствовала сладостное головокружение...

XIX

Пароход причалил к пристани, и пассажиры быстро очистили его, карабкаясь по крутой лесенке. Кривцова и Ракович были из числа первых, очутившихся на набережной. Отбившись от толпы извозчиков, которые, жадно засматривая им в лица, предлагали разного рода экипажи, они решили пройтись раз-другой по саду. Кривцовой казалось, что счастье неимоверно велико, и она хотела как можно дольше знать, что оно – здесь, возле неё, добровольно покорившееся ей, и ждёт только мановения её бровей, её взгляда, шёпота её губ, чтоб всё её существо прониклось им.

– О, Колечка! Какой сад!.. Какой чудный сад!.. Какие статуи!..

Она всему удивлялась как ребёнок, и всему радовалась, и всё хвалила.

– Какие наряды, Колечка!

В саду была ночь, – вверху; но внизу было светло. Они шли по широкой дорожке, увлекаемые потоком пёстрых шляпок и платьев. Вокруг них гудела толпа как рой растревоженных шмелей.

XX

– Колечка, посидим, что ли! – сказала Кривцова, широко раскрывая глаза на чудеса сада. – Ах, Колечка!..

Ракович посмотрел на неё, с наивною гордостью новоиспечённого петербуржца, и сказал улыбаясь:

– Да, Катя... У нас тут культура... Все последние слова техники... применяются немедленно!

Они сели. Тонкий столб поддерживал шар электрической свечи. Другие шары сияли в перспективе. Волна лазурного света расплывалась в тумане. Люди толпились в голубой аллее как тени, постепенно исчезающие вдаль. Огромные деревья сохраняли неподвижность грубо намалёванных декораций. Боги и нимфы белели, стоя на пьедесталах, и казалось, дрогли от ночного холода. На площадку постоянно выходили пары, бросая далеко

перед собой чёрные тени. Направо аллея была погружена в холодный сумрак, сгущавшийся местами как китайская тушь. Ярко неслись откуда-то призывные аккорды музыки...

– Ах, Колечка... Пойдём туда!

– Пойдём, пойдём!

XXI

Но они не могли протолпиться. Гуляющие слились в плотную массу в той аллее, где находился ресторан, и где играл оркестр. Публика медленно двигалась, рассеянно глядя по сторонам, нарядная и скучная.

– Вот что... не хочешь ли чаю?

– Да, хочу.

Выпивши по стакану чаю и съевши бутербродов, они как дети взялись за руки и направились к выходу. Теперь аллея была темна и пустынна. Они оглянулись и, видя, что одни, поцеловались.

– Колечка... Колечка!

Её голова упала назад, и горячие губы полураскрылись. Она что-то шептала.

Ракович ещё раз оглянулся. Аллея пустынна по-прежнему. Он крепко обнял девушку. Ветер слегка шелестел листьями, влажный

воздух казался удушливым.

– Колечка!.. Колечка!..

Вдруг его рука прикоснулась к чему-то металлическому. Он вздрогнул, хотя не мог сказать, чего именно он испугался.

– Боже мой, Катя... Что это у тебя? – спросил он, сильно сжимая её руку.

– Где? Что?

– Вот...

Кривцова очнулась, поражённая этим вопросом как громом. Розовый сон мгновенно кончился. Пробуждение было так мучительно, что она едва устояла на ногах.

– Револьвер, – сказала она тихо, отстраняя руку молодого человека.

– Револьвер? – переспросил он с возрастающим испугом, чувствуя, как внезапно похолодели её пальцы.

– Да.

Они сделали несколько шагов по аллее.

– Зачем револьвер? – прошептал он после минутного молчания.

Но она не отвечала и беспомощно опустилась на скамейку. Он сел возле неё, тревожно прислушиваясь к биению своего сердца, гля-

дя широкими глазами на её склонённую фигуру.

– Катя, ты что-нибудь задумала?

Она всё молчала. Какой сумрак, какая тьма! Солнечный луч, живительно согревавший её, потух. Чаша, из которой она собиралась пить, разбита, разбита как и прежде. Милые призраки уходили куда-то, в смятении, закрыв лица руками. Ей ясно вспомнилась Варенька, и ей противна была теперь ненависть, разделившая их. Точно тень, сожаление о счастье, которое уже невозможно было для неё, подымалось в её душе. Не Варенька, а что-то другое стояло на дороге к этому счастью...

XXII

– Коля, – сказала вдруг Кривцова, – не бойся ничего... Вот смотри...

Она отвязала револьвер и швырнула в кусты.

– Мне он теперь не нужен... Ах, Коля! Но нам надо сейчас же расстаться... Навсегда! Милый Коля, прощай! Забудь меня... Прощай, Коля!

Ракович обнял её и осыпал поцелуями.

– Ни за что, – говорил он, – ни за что! А, Катя, я теперь понимаю!!. Ты хотела убить себя. Я понимаю... Если бы я не бросил Вареньку – ты бы себя убила! Ах, Катя!

Кривцова усмехнулась.

– Нет, нет, не то... Я была уверена, что ты бросишь её, если я попрошу...

Она опять усмехнулась.

– Ненадолго!

– На всю жизнь! – вскричал Ракович.

– Может быть... Хочу верить... Но сначала у меня не было этого желания... А было другое, главное...

– Катя, да чего же ты хотела?

– Я хотела убить её, – сказала она с испугом.

Тогда они оба замолчали. Они молчали долго и упорно. Было тихо. Звуки музыки почти не долетали сюда. Фонари тускло горели в желтоватой волне тумана.

– Ну, прощай, Коля!

Она встала, но Ракович удержал её за руку.

– Мне хочется, Катя, чтоб ты меня выслушала, – сказал он. – Я совсем не понимаю... что это с тобою?.. Ну, хорошо, ты её хотела

убить!.. Хотела отомстить ей за меня!.. Я такой любви боюсь!.. Если б на меня брызнула чья-нибудь кровь – я был бы самый несчастный человек в мире... Но ты не могла убить... Да? Потому что я весь дрожу при одной мысли... О женщины, какие у вас страсти!.. Pardon! Я уклоняюсь. Итак никто не убит, и револьвер там, в кустах! Bravo, Катя! Что же далее? Так как, к моему величайшему сожалению, и ты, и Варенька поссорились... и мир не может иметь места... и тройственный союз, о котором я мечтал, распался, ещё не родившись... то был кинут жребий, и счастливый билет выпал на твою долю... Ах, Катя, мне, наконец, показалось, что ты такая подруга, какая мне нужна... Душа моя терзалась сожалениями по поводу моих прошлых несправедливостей к тебе... Зачем, в самом деле, я не женился на тебе, уж если мне нужно было жениться! Да! Честное слово, Катя. Но скажи, пожалуйста, с какой стати вдруг в тебе вся эта перемена? Это «прощай навсегда», это отчаяние, этот упадок духа? Не понимаю, Катя... тем более, что ты всё время, пока мы ехали на пароходе,

была такой милой, послушной девочкой как и тогда... в N-ске... Катя, разъясни мне!

– Разъяснить?.. Что разъяснить?.. Мстить за то, что я несчастна, а она счастлива!.. Мстить!!.. Ах, но и взрыв этой любви к тебе, и это желание обладать тобою – всё это мщение!..

Голос её стал дрожать от слёз.

– Не могу я, Коля, не могу! Мне всё это гадко, гнусно! Мне вдруг представилось, как там на даче, одна, плачет Варенька... Нельзя наслаждаться счастьем, если из-за тебя мучаются... Не могу, не могу! Я ведь, Коля, испытала положение Вареньки... Правда, я была в худшем положении, но всё же... жаль Вареньку!.. Воротись к ней, Коля. Воротись, ты её любишь... Ты с ней будешь счастлив... Она может любить тебя, несмотря на моё страдание, а я хочу, но не могу, потому что... потому что мне всё чудятся её всхлипывания!.. Вот тут как будто кто-то терзается, и рыдает, и протягивает руки... Воротись, Коля, к ней! Воротись!..

Она не могла продолжать и заплакала. Ракович прильнул к её рукам.

– Нет, нет! – шептал он. – Никогда! Всегда твоей, Катя!

Она взяла его за голову и горячо поцеловала в лоб. Ему показалось, что она колеблется. Но, поцеловав его ещё раз, она твёрдо произнесла:

– Прощай, Коля! Завтра уеду.

– Как... Завтра?

– Прощай!

– Катя, это тоже мщение!..

– Да, конечно. Я мщу и ей, и тебе... Но это высшее мщение.

– Катя!

– Оставь меня, Коля. Довольно.

XXIII

На другой день, когда Кривцова, поручив артельщику чемодан, ходила по платформе Николаевского вокзала, бледная и задумчивая, и когда уже второй звонок пригласил пассажиров занимать места, она на повороте встретилась с Варенькой. Варенька была одета очень нарядно, её глаза сияли радостью, и лицо у неё было счастливое. Красные губы, чуть заметными усиками, приветливо улыбались, и она стремительно протянула Кривцо-

вой обе руки. Та пожала их и тоже улыбнулась – торопливой улыбкой.

– Уезжаешь? – спросила Варенька.

– Как видишь...

– Я была у тебя... Но мне там говорят – только что выехала – на Николаевский вокзал... Спешу как угорелая... И вот застала!.. Катя, мне тебе хотелось сказать... Отойдём в сторону... Мы ещё успеем...

Они немного посторонились.

– Катя... Я сознаю... Я перед тобою очень виновата... Очень! И ты, Катя... благородная и добрая!.. Прости меня, прости меня! Вот всё, что я хотела тебе сказать!.. Вот...

Она посмотрела на подругу влажными глазами.

– Ну, поцелуемся, – сказала Катя, смущённо улыбаясь.

Варенька быстро заключила её в объятия и нежно и крепко поцеловала в губы.

– Катя! – шептала она. – Добрая! Он мне всё рассказал... Я просто не верила... не хотела верить... Знаешь... Ах, добрая, добрая!

Раздался третий звонок. Пассажиры, не успевшие ещё сесть, бросились со всех ног.

Платформа вдруг опустела.

Варенька испуганно оглянулась и с силой потащила Кривцову за руку. Артельщик делал ей знаки головой, стоя у вагона второго класса.

– Ах, Катя, ты опоздаешь... Скорей, скорей! – кричала ей подруга. – Прощай, милая!

Кривцова, однако, успела занять место. Поезд тронулся. Она смотрела из окна вагона на Вареньку, которая шла по платформе и махала ей платком. Она хотела ответить тем же, но вдруг заметила на её полном лице выражение радостного торжества. Тогда она побледнела и откинулась на спинку кресла.

Поезд двигался между тем всё скорее и скорее.

Май 1880 г.